

РУСЛАН САМИГУЛЛИН

ЗА ГОРИЗОНТ

Руслан Самигуллин

За горизонт

«Автор»

2026

Самигуллин Р. А.

За горизонт / Р. А. Самигуллин — «Автор», 2026

Говорят, у горизонта есть изнанка. Там тишина иногда произносит слова. Там отражения живут дольше, чем те, кто в них смотрелся. Там расстояние не подчиняется логике, а некоторые двери закрыты не для того, чтобы их открыли. В старых архивах сохранились обгоревшие страницы. В горах — бетон, который помнит больше, чем должен. И предупреждение, написанное рукой человека, который уже знал, чем всё закончится. «За горизонт» — история о пороге. О месте, которого нет на картах. И о том, что некоторые границы существуют не для того, чтобы их переходить, а для того, чтобы за ними оставалось то, что должно оставаться закрытым. Но однажды кто-то всё равно шагнёт. Вопрос лишь в том, что вернётся обратно.

© Самигуллин Р. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Руслан Самигуллин

За горизонт

Глава

Пролог

Из личного дневника неустановленного сотрудника комплекса «Горизонт». Обгоревшие фрагменты страниц обнаружены в архиве объекта №14 в 2026 году при попытке ревизии ликвидированных геофизических станций. Дело было закрыто без объяснения причин.

«...говорят, что расстояние здесь не подчиняется привычной логике. Профессор Камнев настаивает, что мы наблюдаем не пространство, а нечто похожее на отражение — только отражение не света, а самой реальности. Я не физик, чтобы спорить с ним, но вчера я видел то, что не смогу забыть до конца жизни, сколько бы мне ни осталось.

Мы включили установку на семь секунд. Семь секунд — и приборы показали значения, для которых в нашей терминологии просто нет слов. Стрелки зашкалили, самописцы выдали такую кривую, что Камнев сначала решил — сбой калибровки. Потом посмотрел на меня, и я понял: он тоже не понимает, что происходит. А я смотрел на кольца и думал только об одном: мы открыли что-то, что не должно было открываться человеческими руками.

После вспышки один из техников не может спать. Говорит, что видел лес — не наш, с деревьями, они двигались, были живыми. Другой — что видел самого себя, только ещё совсем юного, и не может объяснить, как это возможно. Третий молчит и ни с кем не разговаривает с того дня. Я ничего не видел. Наверное, мне повезло. Или наоборот — не знаю, что хуже.

Начальство требует продолжать эксперимент. Я написал докладную записку с требованием немедленно прекратить работы. Ответа пока нет. Камнев со мной не разговаривает — считает, что я саботирую программу. Может, и так...

Если кто-нибудь когда-нибудь прочитает это — умоляю вас не включайте установку снова. Что бы вам ни говорили о её назначении, что бы вы ни нашли в документах, — оставьте её. Некоторые двери запирают не просто так. Некоторые двери запирают, чтобы они оставались закрытыми.»

Глава 1. Бункер

Машина встала у обочины лесной дороги. Воронцов настоял на раннем выезде — хотел дойти до предполагаемого района поисков засветло. Пока остальные разбирали снаряжение, разложенное на капоте и в багажнике, он в последний раз сверялся с картой, придерживая её от ветра ладонью.

Ему было тридцать восемь. За спиной — почти пятнадцать лет спасательных работ и диггерства, широкие плечи человека, привыкшего рассчитывать каждое усилие наперёд. Именно поэтому остальные, не сговариваясь, считали его руководителем, хотя формально эту должность ему никто не присваивал.

— Погнали, время идёт, — сказал он, закидывая на плечи тяжёлый рюкзак.

Михаил Котов укладывал в рюкзак свою самоделку — прибор, собранный из деталей старого мультиметра, предназначенный для замеров, смысл которых он вряд ли сумел бы растолковать постороннему. Тридцать четыре года, потёртая ветровка, очки с треснувшей на переносице дужкой, замотанной изолентой. Инженер-электронщик, он вышел на группу два года назад через форум диггеров — случайно услышал о вылазках Воронцова, написал, напросился,

остался. С тех пор ни одна серьёзная экспедиция не обходилась без его дотошных технических отчётов, которые он писал с той же обстоятельностью, с какой собирал свои приборы.

— Ты серьёзно тащишь с собой ещё и это? — спросил Денис, кивая на странный прибор.

— Серьёзно, — не поднимая головы, ответил Михаил.

Денис Орлов был здесь второй раз. Двадцать пять лет, самый молодой в группе, попал по рекомендации общего знакомого. Телефон в водонепроницаемом чехле он держал наготове, хотя до выхода оставались считанные минуты, и уже успел снять и рассветную полосу над лесом, и то, как Ирина деловито переупаковывает дорожные объективы.

Ирина Лебедева сидела на подножке машины. Двадцать девять, фотограф и документалист, с Воронцовым работала не первый год — ещё с тех пор, как снимала для него документацию заброшенных промышленных объектов. Заряд батарей она проверяла всегда дважды, карты памяти раскладывала по отдельным кармашкам чехла — привычка, выработанная годами полевых съёмок, когда потерять один кадр означало потерять то, что уже никогда не повторится.

Сергей Андреевич стоял чуть в стороне, разглядывая линию хребта в бинокль. Сорок семь лет, самый старший. Геолог, присоединился к группе несколько лет назад как консультант по местности — и с тех пор оставался самым немногословным её участником: говорил только по делу, редко объяснял свои решения. Знал горы этого района куда лучше, чем можно было бы ожидать от обычного консультанта, — это Воронцов заметил ещё в первых совместных вылазках, но списывал на профессиональную привычку и не придавал значения.

— Ну что, — сказал Воронцов, окинув взглядом собравшуюся группу. — Все готовы?

Ответом было нестройное согласие — кто-то кивнул, кто-то буркнул что-то невнятное, застёгивая рюкзак.

Дорога закончилась за три километра до цели — дальше внедорожник не прошёл бы даже на пониженной передаче. Машину они оставили на площадке, где раньше, судя по остаткам бетонных плит, была стоянка лесовозов. Плиты растрескались, из трещин пробивалась жёсткая горная трава, а по краям площадки ржавел остов какого-то механизма — то ли лебёдки, то ли части старого крана, — настолько поглощённый временем, что определить его назначение уже не представлялось возможным.

Дальше они шли растянувшись цепочкой по едва различимой тропе, которую Сергей Андреевич находил каким-то своим, необъяснимым чутьём. Он то и дело останавливался, смотрел на склон, потом на компас, потом снова на склон, и вёл дальше, будто читал невидимую разметку, понятную только ему одному. Рюкзаки заметно давили на плечи. Тяжелее всех ноша была у Воронцова, взявшего на себя основной груз снаряжения: лёгкий палаточный тент на случай ночёвки, аптечку, моток прочной верёвки и его любимый охотничий нож с гравировкой на лезвии «Нам все дороги по плечу». Остальные несли личные вещи и часть общего оборудования: у Михаила за спиной звякали инструменты и приборы, у Ирины на груди, поверх куртки, постоянно висел фотоаппарат, готовый к съёмке в любой момент.

— Ты уверен, что это здесь? — спросил Денис, поправляя лямку рюкзака. Телефон он держал в руке, снимая горы, туман между вершинами, редкие сосны, цепляющиеся корнями за камень. — Мы уже часа три идём. Может, свернули куда-нибудь не туда?

— Здесь, — коротко ответил Сергей.

Он не любил лишних слов, и за три года совместной работы Воронцов не привык переспрашивать. Сергей знал горы так, как городской человек знает дорогу от дома до работы — не задумываясь, ногами, безошибочно выбирая, где почва держит вес человека, а где под слоем мха скрывается пустота или острый камень. Воронцов не раз убеждался: если Сергей говорит «здесь», значит, так оно и есть.

Время основательно стёрло это место из людской памяти. Ни одной пометки на современных картах, ни строчки в открытых источниках — только глухое упоминание в архив-

ном списке закрытых геофизических станций Академии наук, которое Михаил откопал за две недели поисков, роаясь в оцифрованных документах, доступных лишь по специальному запросу, и старая, ещё советская топографическая карта, купленная у букиниста, где среди безымянных высот стоял крошечный квадратик с подписью, стёртой временем почти до нечитаемости: «Объект 14».

— Геофизическая лаборатория, — сказал Михаил, когда они устроили привал у ручья, пересекавшего тропу. Он снял очки, протёр их подолом куртки, зачерпнул флягой воды. — Закрыта в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом. Причина в документах не указана. Просто — «в связи с реорганизацией». Хотя, поговаривают, что эксперименты длились вплоть до девяносто перового года.

— В это время в нашей стране всё закрывали в связи с реорганизацией, — ехидно заметила Ирина, не отрываясь от видеоискателя. Она снимала туман, ползущий по распадку, — неспеша, будто у неё было в запасе не несколько часов светового дня, а вся жизнь. — У меня дед в такой же лаборатории работал, только на Урале, недалеко от Челябинска. Тоже «реорганизация». А потом выяснилось — просто денег не стало. Приехали, вывезли оборудование, что смогли, остальное бросили. Дед до конца жизни жалел, что не забрал оттуда свои записи.

— Местные что-то рассказывают, — вставил Денис. — Я в интернете читал форум одного села здесь неподалёку. Пишут про свет в горах. Говорят, раз в несколько лет ночью видно, как что-то светится вон там, — он неопределённо махнул рукой в сторону хребта. — Кто-то пишет, что это метеозонды военные пускали. Кто-то — что аномальная зона. Один мужик вообще писал, что его дед туда ходил и вернулся не таким, как прежде.

— Не таким — это каким? — спросила Ирина, опуская фотоаппарат.

— Не знаю. Он не уточнял. Написал просто — «не таким», и всё.

— Байки, — отрезал Воронцов, поднимаясь и закидывая рюкзак на плечи. — В каждом селе такие есть. Свет, огни, шаровые молнии. Чушь. В общем работаем по плану: находим вход, документируем, если безопасно — заходим. Если нет — уходим и не спорим. Никаких импровизаций.

Денис послушно кивнул, но по лицу было видно, что он уже придумал, как будет рассказывать об этом походе закадычным друзьям.

Первый вход они нашли только к полудню — и это оказалось разочарованием. Сергей вывел группу к скальному выступу, где угадывался явно рукотворный след: полузасыпанная штольня, уходящая вглубь склона под острым углом. Но стоило Воронцову посветить фонарём внутрь, стало ясно — проход обрушен намертво метрах в пяти от входа, завален многотонной породой, просевшей, судя по всему, ещё десятилетия назад. Копать здесь не было смысла — и не было инструмента, способного справиться с такой массой камня.

— Это не главный вход, — сказал Сергей, разглядывая штольню. — Скорее вентиляционная шахта или запасной выход. Основной должен быть ниже.

— Откуда ты знаешь, что ниже? — спросил Денис.

— Такие объекты всегда строили с расчётом на подъезд тяжёлой техники. Дорога должна была подходить к главному входу, а не к аварийному.

Они спустились ещё на добрых сто метров по склону, петляя между скальными обломками, и потратили на это почти два часа — идти пришлось не по тропе, а напрямик, через курумник, где под ногами то и дело шевелились, угрожая подвернуть лодыжку, крупные камни. Один раз Ирина едва не сорвалась, ступив на плиту, которая от её веса вдруг просела и с гулким стуком провалилась в невидимую сверху полость.

Они обошли склон и метрах в тридцати обнаружили то, что искали: скальный выступ, чересчур правильной формы для природного образования, с остатками бетонного оголовка, наполовину ушедшего в грунт. Дальше был провал, заваленный ветками и палой листвой про-

шлых десятилетий, а под ним, если разгрести многолетний нанос, — металлическая дверь, вросшая в бетонный портал.

Радость длилась недолго.

Первое, что они увидели, расчистив верхний край, — это не дверь, а то, что от неё осталось: две массивные створки, обшитые стальными листами, были перекошены так, что верхние углы разошлись веером, а нижние, наоборот, вмялись друг в друга, зажатые деформированной рамой. Осадка грунта за десятилетия выдавила их изнутри, и теперь дверь напоминала сжатую челюсть.

— Придётся откапывать, — сказал Воронцов, скидывая рюкзак и доставая сапёрную лопатку.

Ушло больше часа на то, чтобы расчистить нижний край двери от многолетнего грунта, спрессованного дождями почти до состояния камня. Работали по очереди, сменяя друг друга каждые десять минут, потому что руки быстро уставали, а вечер уже начинал сгущаться над хребтом, окрашивая небо в тревожный багровый оттенок.

Когда нижний край наконец освободили, выяснилось ещё одно: под дверью, в бетонном полу портала, зияла трещина — неширокая, но достаточно глубокая, чтобы в неё провалилась нога. Воронцов осветил её фонарём: внизу угадывалась пустота, уходящая куда-то в темноту.

Денис, вооружившись куском арматуры, найденным неподалёку, попытался поддеть дверь снизу как рычагом. Металл скрежетал, но створки не сдвинулись. Он надавил сильнее — арматура выскользнула и ударила его по голени. Денис выругался, отступил, хромая.

— Давай сюда, — Воронцов забрал у него арматуру и забил её в щель между створками, ближе к верхнему углу. — Михаил, помоги.

Они навалились вдвоём. Металл застонал, створки разошлись на палец — и снова застряли. Из щели потянуло холодом, как из открытого погреба.

— Ещё раз, — сказал Воронцов, перехватывая арматуру удобнее. — На счёт три.

Рывок. Арматура выгнулась дугой. Что-то внутри двери лопнуло с сухим треском, и створки разошлись ещё на ладонь. Их по-прежнему держало что-то изнутри, какая-то деформированная деталь, заклинившая механизм.

Воронцов сменил тактику: вместо того чтобы давить на створки, он начал работать арматурой как клином, вбивая её в щель и раскачивая из стороны в сторону. Металл визжал, крошился, осыпая ржавую труху. Сергей встал рядом, следя за склоном — не поползёт ли грунт от вибрации. Ирина держала фонарь, направляя свет точно в щель. Денис, хромая, оттаскивал отваливающиеся куски бетона.

Прошло ещё минут двадцать. Воронцов уже не чувствовал пальцев, когда створки наконец поддались — с протяжным, скрежещущим стоном, дверь сопротивлялась изо всех своих ржавых сил, не желая впускать незваных гостей. Металл разошёлся ровно настолько, чтобы можно было протиснуться боком.

Из образовавшейся щели пахнуло странным запахом — сырым бетоном, ржавчиной и чем-то ещё, тонким, почти неуловимым, похожим на застоявшийся химический реактив.

Воронцов заглянул внутрь первым. Луч фонаря выхватил тамбур — тесный, с низким потолком, — и уходящую вниз лестницу. Пол тамбура был покрыт трещинами, из одной сочилась вода, стекая по ступеням.

— Осторожно, — сказал он, оборачиваясь. — Ступени могут быть битые. Идём по одному. Я первый, Сергей замыкает. Дистанция — три метра.

Он протиснулся в щель, втянул рюкзак. За ним — Ирина, прижимая к груди фотоаппарат. Потом Михаил, с трудом протащивший свою сумку с приборами. Денис, всё ещё прихрамывая. Последним — Сергей.

— Чувствуете? — спросила Ирина, когда все оказались внутри.

— Плесень, — ответил Михаил.

— Не только.

Никто не стал спорить. Включили фонари. Луч вырвал из темноты бетонную лестницу, уходящую вниз крутыми маршами, теряющуюся в темноте после третьего пролёта. Воздух, поднимавшийся навстречу, был холоднее наружного градусов на десять.

Спускались медленно. Ступени были покрыты слоем пыли настолько плотным, что казались обитыми серым войлоком — и в этой пыли не было ни единого следа, ни человеческого, ни звериного, только там, где ступала нога Воронцова, оставался тёмный отпечаток, будто снег после дождя. Перила лестницы, некогда выкрашенные в жёлтый цвет, теперь были почти чёрными от окиси, и держаться за них никому не хотелось.

— Сюда лет двадцать никто не заходил, — предположил Воронцов, оглядывая пролёт.

— Больше, — поправил Сергей. — Скорее всего с момента закрытия.

Комплекс раскрывался перед ними этаж за этажом, и с каждым уровнем становилось яснее, что это не просто заброшенное здание, а именно то, чем и значилось — научная станция, спешно оставленная людьми. В первом коридоре висели пожелтевшие плакаты по технике безопасности, наполовину съеденные плесенью, с выцветшими лозунгами про бдительность и дисциплину труда; на одном ещё различалась фигура рабочего в каске, указывающего пальцем куда-то за пределы кадра, а подпись под ней размыло почти полностью. В комнате отдыха стояли ряды металлических коек с истлевшими матрасами, из которых торчали пружины, шахматная доска на столе с фигурами, замершими на середине партии — казалось игроков позвали, и они просто не вернулись. Рядом с доской лежала забытая пачка папирос, потемневшая от времени, и обугленный по краю коробок спичек.

Ирина фотографировала всё подряд — не потому, что это было красиво, а потому что каждая деталь казалась ей важной, хотя пока не могла сказать почему. Она приседала, ловила ракурсы, меняла выдержку, тщательно выбирая, с какой точки сделать кадр.

— Смотрите, — позвала она из соседней комнаты.

Это была небольшая лаборатория — или, скорее, кабинет с рабочим столом, шкафом с картотекой и старым канцелярским телефоном без диска, чёрным, тяжёлым, с потрескавшейся трубкой. На столе стояла чашка, покрытая толстым слоем пыли, но не разбитая. На стене висел календарь за 1987 год. Октябрьский листок обветшал, а изображение космонавта в звёздном небе выцвело настолько, что превратилось в бледно-голубые очертания.

— Как будто они собирались вернуться, — сказал Денис, снимая всё это на телефон, обходя стол по кругу, чтобы захватить и чашку, и календарь в одном кадре.

— Или ушли очень быстро, — тихо возразила Ирина.

Михаил тем временем листал журнал, найденный в верхнем ящике стола — толстую канцелярскую тетрадь в дерматиновой обложке, исписанную мелким убористым почерком, местами размытым сыростью до полной нечитаемости.

— Слушайте, — сказал он и прочитал вслух, водя пальцем по строчкам:

«23 октября. Эксперимент номер 11 отменён по распоряжению руководства. Персоналу покинуть нижний уровень до особого распоряжения. Причины будут объяснены дополнительно».

Дальше — пусто. Ни одной записи после. Михаил перелистал ещё несколько страниц назад, ища хоть какой-то намёк на контекст, но записи до этого момента были сухими, техническими: показания приборов, замеры, температура, влажность, ничего похожего на объяснение того, что происходило внутри станции. Он перевернул ещё несколько страниц — те же цифры, те же сухие строки, и вдруг остановился, заметив на полях одной из них едва заметную пометку, сделанную карандашом, почти стёршуюся: «не включать». Два слова, без объяснений, без контекста. Он хотел показать находку остальным, но что-то его остановило — он сам не смог бы сказать, что именно. Он просто закрыл журнал и положил его обратно в ящик.

— Особое распоряжение так и не поступило, — заметил Михаил.

— Или поступило, но записывать было уже некому, — согласился Сергей.

Все посмотрели на него. Он стоял у входа, разглядывая коридор, ведущий дальше вглубь, и по его лицу невозможно было понять, шутит он или нет.

Они спустились ещё на один уровень. Здесь коридоры стали шире, потолки — выше, а воздух — заметно холоднее, откуда-то тянуло сквозняком, хотя ни одного открытого окна или вентиляционной решётки видно не было. Стены здесь были укреплены дополнительными бетонными рёбрами, а провода в кабель-каналах — куда толще, чем на верхних этажах, будто рассчитаны на нагрузку, несопоставимую с обычной. По стенам, через равные промежутки, тянулись массивные скобы, некогда, судя по всему, державшие дополнительное освещение — сейчас пустые, ржавые.

— Это не геофизика, — сказал Михаил, разглядывая толщину кабеля, ощупывая изоляцию пальцами. — Это энергетика какого-то промышленного уровня. Зачем геофизической станции такое электропитание?

Ответ они получили через несколько минут, когда коридор упёрся в массивную металлическую дверь — гораздо толще всех предыдущих, с гидравлическими петлями и остатками электронного замка, давно обесточенного, с проводкой, свисающей из вскрытой панели, как обнажённые нервы. На двери, на уровне глаз, чёрной краской по трафарету было выведено:

«КОМПЛЕКС "ГОРИЗОНТ". ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН».

Ниже, куда менее аккуратным почерком, кто-то от руки дописал одно слово: «Опасно».

Все замолчали. Даже Денис на секунду опустил телефон.

— Ну что, — сказал наконец Воронцов, кладя ладонь на холодный металл двери. — Кажется, мы нашли то, что искали.

Он с силой толкнул дверь, и та, ко всеобщему удивлению, открылась легче предыдущих — словно замок, отпиривший её изнутри, не был заперт, а всего лишь обесточен. За порогом царила темнота настолько плотная, что лучи фонарей тонули в ней, не находя противоположной стены. Пахнуло озоном — тем самым запахом, что бывает после грозы или рядом с работающей высоковольтной техникой, — и ещё чем-то металлическим, холодным, воздух здесь был совсем иной.

Ирина подняла фотоаппарат и сделала кадр — вспышка на мгновение выхватила из темноты нечто огромное, металлическое, кольцеобразное, и все невольно замерли, глядя на неведомый механизм.

Глава 2. Горизонт

Свет ручных фонарей был слишком слаб — он терялся где-то под потолком, не достигая верха гигантских конструкций, и оттого казалось, что помещение не имеет границ, что оно продолжается вверх и в стороны бесконечно, растворяясь в темноте. Шаги отдавались гулким эхом, пространство здесь было рассчитано вовсе не на человеческий масштаб.

В центре, на возвышении из рифлёного металла, стояла конструкция из трёх концентрических колец, каждое высотой с двухэтажный дом, соединённых радиальными балками и оплётённых толстыми, в руку взрослого человека, кабелями, уходящими в пол и в стены. Металл колец был тёмным, почти чёрным, с редкими вкраплениями ржавчины, но линии сварки выглядели удивительно ровными, словно изготавливались не на обычном заводе, а с какой-то избыточной, почти маниакальной точностью. Внутри колец, в самом центре, находилась площадка, обнесённая невысоким барьером, — будто сцена, будто алтарь, и пол этой площадки был выложен плитами другого материала, не бетоном, а чем-то похожим на полированный камень, без единой трещины, несмотря на десятилетия забвения. По периметру зала тянулись ряды пультов с сотнями тумблеров, стрелочных индикаторов, застывших на нулевых отметках, и стеклянных цилиндров, наполненных мутной жидкостью.

— Это не геофизика, — повторил Михаил, на этот раз с интонацией, в которой звучало не подозрение, а уверенность. — Это вообще не похоже ни на что.

— Электростанция? — предположил Денис, обходя один из пультов по кругу, освещая фонарём приборы.

— Слишком сложно для электростанции. Смотрите на конфигурацию колец. Это не про выработку энергии. Это про её... направление. Концентрацию.

Михаил присел на корточки у одного из кабель-каналов, разглядывая толщину изоляции.

— Если это военный или закрытый научный объект, электронику здесь могли сознательно делать без микросхем — на реле, на толстой меди, на компонентах, которые способны пережить что угодно, вплоть до электромагнитного импульса. Такое явно проектировали с расчётом на будущее, которое так и не наступило.

— Обнадёживает, — пробормотал Денис.

— Как посмотреть, — ответил Михаил, поднимаясь. — Кто бы это ни спроектировал, они закладывали сценарий, при котором станцию можно будет использовать спустя очень долгое время.

Воронцов медленно обходил зал по периметру, разглядывая пульта, провода, застывшие показания приборов. Он не был инженером, но за годы работы под землёй научился на глаз отличать заброшенное от опасного — и сейчас всё его нутро подсказывало, что второе куда более вероятно. На одном из пультов лежала забытая тетрадь дежурного — раскрытая, с последней записью, обрывающейся на середине предложения.

— Трогать ничего не будем, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, но глядя при этом на Дениса.

— Я и не трогаю, — отозвался тот, не отрывая взгляда от кольца. — Я просто видосы снимаю, на память.

Ирина нашла архив — небольшую комнату, примыкающую к залу, заставленную металлическими шкафами с папками. Большинство шкафов проржавели и были открыты. Внутри — сотни страниц технической документации, формулы, схемы, диаграммы, которые для непосвящённого взгляда выглядели как абракадабра, испещрённые пометками красным карандашом на полях, будто кто-то, изучая документ впервые, спорил с автором.

— Михаил, иди сюда, — позвала она.

Он пришёл, взял в руки первую попавшуюся папку и минут десять листал молча, хмурясь, пока остальные обследовали периметр зала. Пыль поднималась от каждой перевёрнутой страницы, оседая на рукавах его куртки серым налётом.

— Есть кое-что странное, — сказал он наконец. — Тут повторяются фразы, которые я не понимаю в контексте геофизики. «Пространственная связность». «Соседняя метрика». «Фиксация координат». «Обратный переход». И вот ещё — «коэффициент расхождения реальностей». Что бы это ни значило.

— Звучит как научная фантастика, — заметил Денис.

— Это не школьная физика, — согласился Михаил. — Я, честно говоря, не уверен, что это вообще физика в привычном смысле. Похоже на... — он замаялся, подбирая слово, листая ещё одну страницу с диаграммой, напоминающей два пересекающихся конуса, — на попытку описать что-то, для чего ещё не придумали нормальных терминов. Как будто люди наткнулись на явление и пытались его формализовать своим языком.

— То есть? — спросил Воронцов.

— То есть я не знаю, что это, Лёш. Честно. Но судя по масштабу установки и по тому, сколько сюда вложили денег, это было очень серьёзно. Это не кустарная лаборатория энтузиастов. Это государственный проект с бюджетом, который я даже боюсь себе представить.

Сергей за всё это время не произнёс ни слова. Он стоял у одного из пультов, разглядывая приборную панель с непонятной сосредоточенностью, водя пальцем по одной из стрелочных шкал.

Денис, тем временем, отошёл к самому дальнему пульту — тому, что стоял чуть в стороне от основного контура, как отдельный служебный узел, размещённый ближе к выходу, словно для быстрого доступа в экстренной ситуации. На панели, помимо стёршихся надписей, был один рубильник, выделявшийся среди прочих массивной рукоятью, обмотанной изоляцией — свежей, относительно свежей, во всяком случае не такой ветхой, как всё остальное здесь, будто кто-то пользовался этим рычагом куда позже официального закрытия станции.

— Эй, — позвал он тихо, — а это что?

Михаил подошёл, присмотрелся к рубильнику, к проводке, тянувшейся от него куда-то за пределы видимости, в стену, проследил её взглядом до места, где она исчезала в кабель-канале.

— Это, судя по всему, главный силовой рубильник. Или один из главных. Не трогай.

— Я и не трогаю, — снова повторил Денис, но в этот раз в его голосе звучало не раздражение, а что-то похожее на азарт. Он щёлкнул камерой, снимая рубильник крупным планом, отступил на шаг, снял ещё раз общий вид зала, потом присел, чтобы поймать ракурс снизу вверх, от которого кольца казались ещё огромнее.

Прошло, наверное, минут двадцать, за которые они успели обойти большую часть зала, сфотографировать документы, попытаться найти хоть какие-то данные о персонале объекта — личные дела, фамилии, что угодно, — но архив, судя по всему, был вычищен от подобной информации ещё при закрытии станции, показалось кто-то намеренно изъяс всё, что могло указать на конкретных людей.

Ирина в это время отошла к стене, где висела единственная уцелевшая схема зала — большой лист ватмана под стеклом, местами пожелтевший, с обозначением всех узлов установки и подписями настолько мелкими, что приходилось почти прижиматься к стеклу лицом, чтобы разобрать хоть что-то. В правом нижнем углу схемы, отдельным блоком, была нарисована стрелка, указывающая от центра колец куда-то за пределы чертежа, с единственной подписью: «точка ноль».

— Смотрите, — позвала она, но её голос потонул в звуке щёлкающей камеры Дениса и разговоре Михаила с Воронцовым, и никто не расслышал вовремя.

Именно в этот момент, когда общее внимание рассеялось, Денис — так и не сумевший до конца справиться с любопытством, которое было в нём куда сильнее осторожности, — протянул руку и опустил рубильник.

Сначала не произошло ничего. Секунда тишины, показавшаяся вечностью, и Михаил уже открыл рот, чтобы сказать что-то резкое, — но тут где-то в глубине стен раздался щелчок реле, потом ещё один, и ещё, будто просыпалась цепочка давно спавших механизмов, одно за другим, по нарастающей, как костяшки домино.

— Денис, твою мать, — выдохнул Воронцов, разворачиваясь.

Стрелки на приборных панелях, застывшие много лет на нуле, дрогнули и медленно поползли вверх. Часть аварийных ламп под потолком мигнула и погасла, зато где-то в стороне, в глубине зала, донёсся низкий гул — включался генератор, огромный, судя по звуку, спрятанный где-то за стенами резервный источник питания, который, вопреки всякой логике, всё ещё был способен работать после стольких лет простоя.

По полу прошла вибрация — сначала едва ощутимая, потом всё более отчётливая, где-то внизу, под фундаментом станции, заворочалось что-то огромное. С потолка посыпалась пыль, падая в свете фонарей, оседая на плечах и волосах.

— Выключай! — крикнул Воронцов Денису, но тот уже отступил от пульта, широко раскрытыми глазами глядя на кольца в центре зала, которые начали — медленно, едва заметно —

светиться изнутри тусклым голубоватым светом, будто внутри металла проснулся спрятанный много лет назад огонь.

Михаил бросился к пульту, лихорадочно оглядывая тумблеры, пытаясь понять хоть какую-то логику происходящего, но было уже поздно. Свечение внутри колец нарастало, гул генератора становился всё громче, стеклянные цилиндры вдоль стен начали слабо вибрировать, и в какой-то момент — Воронцов не смог бы потом точно сказать, в какой именно, — весь зал озарился вспышкой белого света, настолько яркого, что ослепило глаза даже сквозь плотно зажмуренные веки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.